УДК 94

Николай ПАВЛОВ

АРХИТЕКТОР МОСКОВСКОГО ДОГОВОРА

Аннотация. В статье рассказывается о подготовке Московского договора 1972 г. между СССР и ФРГ и о том, какую роль в этом процессе сыграл с советской стороны выдающийся дипломат, министр иностранных дел А.А. Громыко. Договор стал прорывом в советско-западногерманских отношениях и прологом к разрядке международной напряжённости на европейском континенте. Автор считает, что не будь “новой западной политики” СССР, которая синхронизировалась с “новой восточной политикой” ФРГ, двухполюсный мир долго бы ещё пребывал в окопах холодной войны.

Ключевые слова: А.А. Громыко, В. Брандт, Э. Бар, СССР, ФРГ, Московский договор, советско-западногерманские отношения, “новая восточная политика” ФРГ.

У детей двое родителей. Это аксиома справедлива и для двусторонних межгосударственных соглашений. Формально их родителями принято считать глав государств и правительств. В действительности же главными авторами являются дипломаты, которые в процессе подготовки договоров должны не только кропотливо выверять каждую букву и запятую в документе в соответствии с нормами международного права и руководствуясь национально-государственными интересами, но и прекрасно ориентироваться в хитросплетениях внешней и внутренней политики. Именно такие качества проявил старейшина дипломатического корпуса в Европе, министр иностранных дел СССР А.А. Громыко при выработке Московского договора. Именно он вместе с Эгоном Баром с западногерманской стороны и является архитектором Московского договора и в известной степени новой политики Советского Союза по отношению к Западной Европе.

Никто не может отрицать того, что началом “новой восточной политики” правительства социал-либеральной коалиции во главе с канцлером Вилли Брандтом стал Московский договор 1970 г. Понятие “восточная политика” и прежде использовалось в германской истории для обозначения отношений со странами Восточной Европы. И только на рубеже 60–70-х гг. XX столетия оно обрело иное измерение, стало пониматься как составная часть реальной политики разрядки в Европе и в мире в целом.

© **Павлов Николай Валентинович** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России. **Адрес:** 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76. **E-mail:** kotjaio@mail.ru
DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52019132142>

Вместе с тем мало кто знает, что не будь “новой западной политики” СССР, не было бы ни “восточных договоров” ФРГ, ни нормализации отношений между ФРГ и ГДР, ни многосторонней фазы разрядки. Мало кто знает и о борьбе между “ястребами” и “голубями” в советском руководстве. А ведь к последним, что незаслуженно забыто, принадлежал тогдашний министр иностранных СССР Андрей Андреевич Громыко. Но начнём всё по порядку.

Плод должен созреть

Не прошло и года с Карибского кризиса, когда 15 июля 1963 г., будучи тогда руководителем ведомства печати и информации Западного Берлина, Эгон Бар – ближайший сподвижник правящего бургомистра Вилли Брандта – выступил в Евангелической академии Тутцинга с докладом, посвящённым “германской политике”. Доклад, который содержал новое видение проблемы и новые инициативы по её решению, был прологом к новой “восточной” и “германской политике” СДПГ, приступившей к её реализации лишь через несколько лет. В частности, Э. Бар указал на то, что предпосылкой решения германского вопроса является исключительно урегулирование отношений с Советским Союзом. При этом, указывал он, учитывая неэффективность политики “всё или ничего”, следует стремиться не к ликвидации коммунизма, а к его трансформации. “Воссоединение”, по его словам, – это “процесс со многими шагами и со многими остановками”. Германскую политику, подчеркнул Бар, следовало бы облечь в формулу “изменения через сближение” [Die Bundesrepublik ..., 1992: 13]. Реформистские силы в СДПГ намного опережали своё время. И объективно “плод” ещё не созрел. Тогда в канцлерской резиденции в Бонне восседал престарелый Конрад Аденауэр, никто и не помышлял о “большой коалиции” (ХДС/ХС-СДПГ), а холодная война была в самом разгаре. В Кремле же безраздельно царствовал, совмещая должности Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета министров СССР, трижды Герой Социалистического Труда и будущий Герой Советского Союза Никита Сергеевич Хрущёв, пообещавший своим соотечественникам, что они ещё при жизни будут жить при коммунизме.

После отставки Аденауэра и избрания Людвига Эрхарда канцлером в советско-западногерманских отношениях вот-вот должны были появиться признаки “оттепели”. В январе 1964 г. Н.С. Хрущёв был готов встретиться в Восточном Берлине с правящим бургомистром Западного Берлина Вилли Брандтом. Однако бургомистр города от ХДС Амреем сорвал это мероприятие. В сентябре 1964 г. Москва объявила о намерении Хрущёва посетить с официальным визитом Бонн. При этом было указано на намерение “проводить в отношении Федеративной Республики принципиально иную, новую политику”. Но в октябре 1964 г. Хрущёв был снят со всех постов. Пришлось на время отказаться от надежды на улучшение отношений между СССР и ФРГ. Вслед за этим “восточная политика” правительства Эрхарда натолкнулась на противодействие со стороны Москвы. Политическое руководство Советского Союза во главе с Леонидом Ильичем Брежневым и Алексеем Николаевичем Косыгиным начало кампанию по разоблачению “милитаристских приготовлений” ФРГ. Поводом к этому стали выступления Эрхарда за создание многосторонних ядерных сил (МЯС) с участием Западной Германии, его поддержка американских

действий в ходе вьетнамской войны и бескомпромиссная позиция Бонна в отношении ГДР. Всё это подвергалось с советской стороны резкой критике. Долгосрочный договор о взаимном товарообмене, срок которого истёк в 1963 г., не был возобновлён. Не удалось заключить и культурное соглашение, над которым стороны работали длительное время. В целом предыстория “новой восточной политики” правительства ФРГ не давала повода для оптимизма. После установления в 1955 г. дипломатических отношений с СССР за десять лет в Москве побывало всего семь депутатов бундестага. Только в 1965 г. Советский Союз впервые посетил государственный чиновник ФРГ в ранге статс-секретаря (заместителя министра), а на следующий год – федеральный министр.

С образованием в декабре 1966 г. “большой коалиции” и избранием Курта-Георга Кизингера канцлером (напомню, что вице-канцлером и министром иностранных дел был назначен председатель СДПГ Вилли Брандт) не сразу, но обозначились сдвиги в двусторонних отношениях, прежде всего в сфере экономики. Под занавес “большой коалиции” в апреле 1969 г. между ФРГ и СССР был заключён договор о строительстве двух заводов по производству труб большого диаметра. На ярмарке в Ганновере в том же году министр внешней торговли СССР Н.С. Патоличев и министр экономики ФРГ Ф. Шиллер обсудили возможность заключения сделки “газ – трубы” – соглашения, которое будет подписано в феврале 1970 года.

Осенью 1968 г. во внешней политике “большой коалиции” налицо стало растущее сопротивление блока ХДС/ХСС разрядочным тенденциям. Христианские демократы использовали советское вторжение в ЧССР в августе 1968 г. как повод для перелома “восточной” и “германской политики” на старые конфронтационные рельсы.

В советском руководстве, прежде всего в близком окружении Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева, да и у него самого, окрепло понимание того, что необходимо внести решительные и серьёзные коррективы во внешнеполитический курс, дабы разрядить международную обстановку и не дать угаснуть разрушенческому диалогу между СССР и США, которому требовалась подпитка со стороны мирового сообщества. Требовалась “новая западная политика”, под которой подразумевалась политика в отношении Западной Европы. Великобритания, ядерная держава, не будучи европейским континентальным государством, представляла собой американский островок в евроатлантическом регионе. Франция, также входившая в ядерный клуб, ещё в 1966 г. с выходом из военной организации НАТО уже встала на путь разрядки. Поэтому главным адресатом советской “западной политики” могла и должна была стать Федеративная Республика Германия как ведущая в Европе страна НАТО, один из лидеров западноевропейской интеграции и, безусловно, перспективный экономический партнёр. Реализация задумок на этом направлении осложнялась отсутствием мирного договора с Германией.

Осенью 1968 г. в Нью-Йорке “на полях” очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН (ФРГ тогда ещё не была членом Организации) состоялась беседа министра иностранных дел В. Брандта и его советского коллеги А.А. Громыко. С руководителем советского внешнеполитического ведомства был его заместитель, эксперт по германским делам В.С. Семёнов. Брандт был в сопровождении Э. Бара, которому через некоторое время предстояло провести много дней в Москве, согласовывая с Громыко важнейшие составные части Московского договора. Оба министра согласи-

лись с тем, что тема отказа от применения силы, особенно в свете последних событий, не потеряла своей актуальности и заслуживает того, чтобы перейти от общих заявлений к конкретным договорённостям. Брандт пишет, что нашёл Громыко “более приятным собеседником, чем представлял его себе по рассказам об этаким язвительном ‘мистере Нет’”. Он производил впечатление корректного и невозмутимого человека, сдержанного на приятный англосаксонский манер. Он умел в ненавязчивой форме дать понять, каким огромным опытом он обладает” [Брандт, 1991: 177].

Был ли этот обмен мнениями дуновением свежего ветерка в диалоге между Востоком и Западом, между СССР и ФРГ? В правительстве “большой коалиции” не существовало единства в отношении перспектив “восточной политики”. В то время как Брандт и многие высокопоставленные социал-демократы подчёркивали – правда, не всегда последовательно – необходимость урегулировать отношения с Советским Союзом, ГДР и другими восточноевропейскими странами, канцлер Кизингер настаивал на ревизии западногерманской “восточной политики” в духе противостояния и конфронтации. Бывший в то время заведующим 3-м Европейским отделом МИД, впоследствии посол СССР в ФРГ В.М. Фалин пишет в своих мемуарах: казалось, что всё это “предвещало наступление долгой зимы с сильными морозами”.

Руководитель советского внешнеполитического ведомства поручил Фалину подготовить анализ внутривосточной ситуации в ФРГ, принимая во внимание последнее сообщение от посла в Бонне С.К. Царапкина с информацией о встрече с Брандтом и подтверждением его позиции, высказанной в Нью-Йорке по поводу желательности заключения двустороннего соглашения о неприменении силы [Falin, 1993: 52]. Аналитический материал предполагался для доклада на заседании Политбюро. Важно отметить вывод 3-го Европейского отдела о том, что по итогам выборов в бундестаг, намеченных на осень 1969 г., “большая коалиция” должна развалиться, и что существует реальная возможность прихода к власти сил, готовых внести существенные коррективы в политический курс Федеративной Республики по отношению к Советскому Союзу, ГДР, а также всем восточноевропейским государствам.

Международный отдел ЦК КПСС во главе с секретарем ЦК Б.Н. Пономарёвым выступил категорически против будущего диалога с немецкими социал-демократами, памятуя жёсткий курс Коминтерна на размежевание с СДПГ и апеллируя к мнению руководства “братской” СЕПГ и западногерманских коммунистов. Вообще нужно отметить напряжённый характер отношений между министром иностранных дел и секретарем ЦК. До тех пор, пока А.А. Громыко не стал членом Политбюро (это произошло весной 1973 г.), оба не переставали выяснять отношения по поводу того, кто главней в вопросах внешней политики, что никак не шло на пользу дела. Что же касается будущей “германской политики”, пишет В. Фалин, то “Громыко не боялся ярлыков, которые могли ему навесить. Его нелегко было заставить действовать или навязать какое-либо новое направление. Но если это удавалось, он мог показать незаурядный характер” [Falin, 1993: 53].

В вопросе необходимости переосмысления советского курса в отношении Западного мнения в Политбюро разделились. Большинство заняло позицию молчаливо-безразличного выжидания. Меньшинство во главе с членом Политбюро первым секретарем ЦК КП Украины П.Е. Шелестом, поддержанное шеф-идеологом КПСС, секретарем ЦК и членом Политбюро М.А. Сусловым и Б.Н. Пономарёвым, не

осмеливалось открыто высказывать своё несогласие, но в кулуарах оценивало сближение СССР с Западной Германией как очевидный сговор с “классовым врагом”. Однако решающей оказалась позиция Л.И. Брежнева, которую организатор прямого конфиденциального канала связи между высшим руководством СССР и ФРГ, высокопоставленный сотрудник советской контрразведки В. Кеворков назвал “несомненно новаторской и удивительно прогрессивной для людей его поколения и склада мышления” [Кеворков, 1997: 74]. К этой же когорте он причислил и министра иностранных дел А.А. Громыко, и председателя КГБ Ю.В. Андропова.

Ранней весной 1969 г. Андропов вызвал к себе Кеворкова и, по словам последнего, заявил, что “нужно быстро, скажем, в течение полугода – года добиться установления совершенно новых отношений с Западной Германией. Отношения эти должны быть исключительно честными, доверительными и непременно динамичными. Для этого нужно найти кратчайший путь на самый политический ‘верх’. А, как известно, самый кратчайший путь – это прямая. Нам надо установить прямой канал между нашим руководством и руководством ФРГ, в обход всех внешнеполитических ведомств. Они в данной ситуации будут лишь тормозить дело”. Дескать, по линии Громыко в этом направлении уже кое-что делается, но это затянется надолго. “Нам же необходим результат сегодня, самое позднее – завтра, но никак не через пять или десять лет” [Кеворков, 1997: 24].

В конце апреля в разговоре с Брежневым Андропов, который уже определился с исполнителями и деталями реализации своей задумки, доложил Генеральному о предстоявших в ФРГ выборах в бундестаг и предложил подождать с установлением контакта на высшем уровне до их исхода. Брежнев с ним согласился и добавил: “Кстати, я тут прочёл доклад Громыко на заседании Верховного совета. По-моему, все акценты и в отношении западных немцев очень точно расставлены. И по Берлину, и по вопросу границ... Одним словом, все точки над i. Это должно быть хорошим ориентиром в нашей внешней политике и для руководства ФРГ” [Кеворков, 1997: 41].

Имелась в виду речь министра иностранных дел, с которой ему предстояло выступить 10 июля 1969 г. на сессии Верховного Совета СССР. В ней он объявил о принципиальной готовности Советского Союза продолжить обмен мнениями с Федеративной Республикой об отказе от применения силы вплоть до заключения соответствующего договора, а также о готовности обмениваться с “союзниками по войне” мнениями о предотвращении в будущем “осложнений вокруг Западного Берлина”. Это означало серьёзный реверанс в сторону руководства СДПГ, на которую предполагалось сделать ставку как будущего возможного партнёра по советско-западногерманскому диалогу.

Спустя две недели, встречаясь с высокопоставленной западногерманской делегацией, в которую входили Г. Шмидт, А. Мёллер и Э. Франке, советский министр иностранных дел пошел ещё дальше. Он призвал западных немцев предпринять совместные усилия для “обновления” отношений между обеими странами.

22 сентября 1969 г. в Нью-Йорке министр иностранных дел ФРГ Вилли Брандт провёл интенсивные консультации по практическим вопросам двусторонних отношений со своим советским коллегой. Вспоминая эту встречу, Брандт пишет: “Считалось, что у него [А.А. Громыко] феноменальная память. Это впечатление ещё более усилилось, когда мы вновь встретились осенью 1969 г. Я прилетел в Нью-Йорк

исключительно ради этой встречи, хотя (а может быть, потому что?) вскоре предстояли выборы в бундестаг. На этот раз Громыко появился в сопровождении Валентина Фалина, который в министерстве иностранных дел занимался вопросами, связанными с нашим будущим договором...”.

Содержание обеих бесед в значительной мере предвосхищало то, чем нам предстояло заниматься в связи с Московским договором. Громыко весьма резко заявил, что вопрос сложившихся после Второй мировой войны границ – “это вопрос войны и мира”. С другой стороны, по его словам, в немецком народе никто не видит “вечного врага...” [Брандт, 1991: 178]. Была также подчеркнута желательность подвести под новый этап советско-западногерманских отношений юридическую базу. Всё это настраивало на оптимистический лад.

Завершив переговоры с советской стороной, Брандт вылетел на родину, где через пять дней должны были состояться выборы в бундестаг, а А.А. Громыко, руководствуясь своим графиком, вынужден был остаться в США. Там он и узнал предварительные результаты избирательного марафона в ФРГ, свидетельствовавшие в пользу СДПГ. Прогноз 3-го Европейского отдела в отличие от американского госдепа оправдался, и советское руководство вздохнуло с облегчением.

Громыко vs. Бар

Когда Вилли Брандт, представитель активного сопротивления гитлеровской диктатуре, встал во главе федерального правительства, международный политический климат был исключительно благоприятным для реализации внешнеполитических заготовок СДПГ и руководства КПСС. Можно сказать, что “западная политика” СССР синхронизировалась с “восточной политикой” ФРГ.

Москва и Вашингтон вели переговоры об ограничении стратегических вооружений (ОСВ), НАТО предлагала вести переговоры о двустороннем сбалансированном сокращении вооружённых сил и вооружений. 28 ноября 1969 г. Федеративная Республика Германия присоединилась к Договору о нераспространении ядерного оружия. После внутривнутриполитических коллизий (по поводу войны во Вьетнаме, законов о чрезвычайном положении, судебных процессов, связанных с Освенцимом, внепарламентской оппозиции, студенческих бунтов), имевших место во времена “большой коалиции” в составе ХДС/ХСС и СДПГ, новому правительству необходимо было добиться успеха при переходе к политике взаимопонимания с Востоком.

Перемены в советской внешней политике, американские инициативы в области разрядки при президенте Никсоне и широкий внутривнутриполитический консенсус относительно необходимости покончить с эпохой холодной войны стали основной предпосылкой для выработки западногерманской “новой восточной политики”. Внешнеполитическая совместимость, внутривнутриполитический консенсус и высокая гомогенность правящей коалиции представляли собой идеальную отправную точку для проведения активной политики разрядки.

7 декабря 1969 г. советский посол в Бонне С. Царапкин сообщил статсекретарю МИД ФРГ Г.Ф. Дуквицу, что Советский Союз готов начать уже на следующий день в Москве переговоры об отказе от применения силы. Из этого следовало, что обе стороны желали по-новому строить свои взаимоотношения.

Первая фаза переговоров, которые по настоянию советской стороны получили название “предварительный обмен мнениями”, проходила в Москве между А.А. Громыко и послом ФРГ в СССР Гельмутом Аллардтом. Всего между ними состоялось три встречи. Официальные беседы, однако, не исключали возможности и необходимости конфиденциальных контактов. Напротив, они нуждались в дополнении и обогащении друг друга. Именно поэтому председатель КГБ Ю.В. Андропов решил в это же время задействовать свой тайный канал.

23 декабря 1969 г. в Бонне состоялась первая встреча контактера с советской стороны журналиста В. Леднёва, отрекомендовавшегося посланником Л.И. Брежнева, со статс-секретарем ведомства федерального канцлера, ближайшим сподвижником В. Брандта Эгоном Баром. Это уже был конкретный ответ на послание В. Брандта председателю правительства СССР А.Н. Косыгину от 19 ноября (замечу, что В. Брандт тогда ещё плохо ориентировался в советской табели о рангах, обращаясь к своему формальному коллеге и не понимая, кто в действительности стоит на вершине власти в СССР). В письме, о котором в Бонне было известно всего четырём лицам, включая главу кабинета, свежеиспечённый канцлер писал: “Сама суть дела предполагает, что обмен мнений должен быть исключительно доверительным, только в этом случае он будет иметь смысл и поможет по возможности устранять или препятствовать возникновению недопонимания. Эта задача, мне кажется, заслуживает внимания правительств обоих государств, и она не может быть решена вдруг, сегодня или завтра, но лишь в ходе продолжительного процесса, к которому я призываю” [Кеворков, 1997: 44].

На следующий день “Бар передал Леднёву, что канцлер приветствует создание конфиденциального канала между ним и Брежневым и удовлетворён тем, что отныне сможет напрямую, без проволочек и бюрократии, быстро решать вопросы государственной важности, в которых заинтересованы обе стороны. Он вполне согласен с Генеральным секретарем в том, что для успеха дела одним из основных факторов является фактор времени, которого ни в коем случае нельзя терять. Главную ценность такого контакта Брандт видит в возможности откровенного, прямого обмена мнениями без ограничения тем” [Кеворков, 1997: 50].

События принимали стремительный оборот. Уже на следующий день в Москве стало известно, что руководителем на переговорах с западногерманской стороны вместо посла Аллардта Брандт назначил статс-секретаря ведомства канцлера Эгона Бара. Послу была отведена роль второй скрипки. Это сразу же повысило статус переговорного процесса. Получив многократную визу, Бар уже через несколько дней прибыл в столицу СССР и был представлен как “временный руководитель делегации Федеративной Республики”. Из 12 месяцев 1970 г. шесть он проведёт в Москве.

Первый раунд “обмена мнениями”, который включал в себя пять встреч в различных форматах, охватил период с 30 января по 17 февраля 1970 г. Второй состоялся 3–23 марта, третий – 12–22 мая. По всей видимости, именно после первой встречи Громыко с Баром в здании МИДа на Смоленской-Сенной, об итогах которой и о своём видении проблемы министр шесть часов докладывал Генеральному секретарю на его даче в Барвихе, Брежнев пришел к выводу о необходимости координации действий Комитета государственной безопасности (тайный канал связи с

Брандтом, который осуществляли Леднев, Кеворков и Бар) с МИДом, открыто выступавшим против тайной дипломатии. Л.И. Брежневу удалось убедить обоих руководителей этих влиятельных ведомств достичь согласия и перейти к сотрудничеству в германских делах. Откровенный разговор между Громыко и Андроповым, инициированный Генеральным секретарем, привёл к “прорыву” в отношениях между министром иностранных дел и председателем КГБ. “В короткое время они из конфронтирующих сторон превратились в союзников, каковыми и остались до конца жизни” [Кеворков, 1997: 64].

Днями в центральном здании или в особняке МИДа на Спиридоньевской велись изнурительные переговоры, шла борьба за каждую статью договора, оттачивалась каждая формулировка. Вечерами же Бар встречался со своими контактами по тайному каналу и в неформальной откровенной обстановке обсуждал хитросплетения советской внутренней и внешней политики, механизмы принятия решений и много других вещей, которые были либо непонятны, либо недоступны даже информированному западному политику. Аппаратная борьба, противостояние различных министерств и ведомств, противоречия внутри партийной и советской верхушки, позиционирование армии и профсоюзов – всё это и многое другое, по его словам, к началу 1970 г. было “книгой за семью печатями не только для Бонна, но и для Вашингтона. Здесь немецкая сторона получала фору большой политической ценности в плане информации, понимания ситуации, оценочных возможностей...” [Bahr, 1996: 293].

Таким образом, шла постоянная работа как на неофициальном, так и официальном уровне, которая навсегда запечатлелась в памяти у всех архитекторов советско-западногерманского узнавания и сближения. “Громыко, – пишет В. Брандт, – которого я посетил незадолго до его отставки с поста президента (он занял его в начале эры Горбачева), даже восемнадцать лет спустя мог точно вспомнить каждый из тех 55 часов, которые у него в феврале, марте и мае 1970 г. заняли беседы с Баром” [Брандт, 1991: 202].

Реализация задач, поставленных перед А.А. Громыко, требовала поистине нечеловеческих усилий. Помимо скрупулёзной работы над взаимоприемлемыми формулировками будущего договора, требовалось согласовывать советскую позицию с руководством ГДР и Польши, причём не по телефону и не по шифропереписке, но в ходе личных встреч с главами государств в Восточном Берлине и Варшаве. При этом министра никто не освобождал от каждодневной рутинной работы на других направлениях внешней политики СССР. Обращивать приходилось колоссальные потоки информации со всего мира. Валентин Фалин пишет: “С восхода солнца до часу или двух ночи он проводил беседы, писал, читал, правил тексты. После того как у него убирали горы бумаг, он одним глотком выпивал стакан очень крепкого чая и засыпал мертвым сном, что утром начать всё с начала” [Falin, 1993: 121].

Результатом обмена мнениями между Баром и Громыко стало появление так называемого “документа Бара”, в котором ФРГ взяла на себя обязательство “в настоящем и будущем уважать нерушимость” границ всех европейских государств, включая границу по Одере и Нейсе и границу между ФРГ и ГДР. Кроме того, ФРГ обязалась не выдвигать никаких территориальных претензий. Эта фор-

мулировка согласовывалась с юридическими оговорками, касавшимися эвентуального решения германского вопроса. Теоретически договор, заключённый Федеративной Республикой, не мог быть обязательным для будущей объединённой Германии. Со своей стороны, Советский Союз отказывался от своих прав на военное вторжение, вытекавших из положения Устава ООН о “вражеском государстве”. Намеренное предание гласности западногерманскими средствами массовой информации (в выдержках газетой “Бильд” 12 июня и полностью еженедельником “Квик” 1 июля 1970 г.) этого документа показало, что канцлер ФРГ Брандт пошёл на серьёзные уступки СССР.

Признание Федеративной Республикой факта существования двух германских государств, подписание Договора о нераспространении ядерного оружия, заключение трех соглашений о поставках советского природного газа сроком на 20 лет в обмен на трубы большого диаметра от 1 февраля 1970 г. и начавшиеся в том же месяце в Москве консультации по вопросам более тесного технологического сотрудничества ускорили советско-западногерманский диалог. Жёсткие переговоры между министрами иностранных дел обоих государств А.А. Громыко и В. Шеелем в Москве с 17 июля по 7 августа 1970 г. (всего между ними состоялось 13 встреч общей продолжительностью 29 часов) окончились положительным результатом.

Заслуживает внимания ещё один очень важный момент, касающийся роли Андрея Андреевича Громыко в процессе выработки советско-западногерманского договора. На это указывает, в частности, Валентин Фалин. Московские переговоры ставили своей целью выработать документ, который содержал бы действенную формулу отказа от применения силы. Первоначальный план обменяться соответствующими заявлениями привёл в конечном итоге к соглашению, трансформировавшемуся в договор. Но в качестве названия постоянно фигурировал термин “отказ от применения силы”. Незадолго до окончания переговоров с Вальтером Шеелем, 5 или 6 августа А.А. Громыко спросил своего западногерманского коллегу, не стоит ли убрать из названия договора отсылку к неприменению силы. Дескать, комплект наработанных документов значительно превышает исходные задумки. Это, мол, следует учесть. Для всех участников переговоров предложение министра стало полной неожиданностью. Посоветовавшись с членами своей делегации, Вальтер Шеель согласился с идеей своего советского коллеги. “Объективно её мотивация отвечала всей структуре договора, весу и значению советско-западногерманских отношений в европейской и мировой политике, потребности в качественном прорыве в лучшее будущее” [Falin, 1993: 109]. Так появился Московский договор.

Московский договор: всё ещё только начинается

12 августа 1970 г. в Москве председатель правительства СССР А.Н. Косыгин, глава кабинета ФРГ канцлер В. Брандт, а также министры иностранных дел обеих стран А.А. Громыко и В. Шеель подписали исторический договор между Советским Союзом и Федеративной Республикой Германией. В соответствии с принципами Устава ООН он предусматривал решение спорных вопросов исключительно мирными средствами. СССР и ФРГ обязались воздерживаться от угрозы силой или

от её применения; они заявили, что не имеют каких-либо территориальных претензий к кому бы то ни было и не будут выдвигать такие претензии в будущем; признали нерушимыми сейчас и в будущем границы всех государств в Европе, как они проходили на день подписания договора, в том числе линию Одер-Нейсе, которая является границей Польской Народной Республики, и границу между ФРГ и ГДР.

Дальнейшие шаги по развитию политики разрядки нашли своё отражение в отдельном документе, также подписанном в Москве – “Договорённости о намерениях сторон”. Правительство ФРГ заявило о готовности нормализовать свои отношения с ГДР на договорной базе и строить свои с ней отношения на основе полного равноправия, отсутствия дискриминации, уважения независимости и самостоятельности каждого из обоих государств в делах, касающихся их внутренней компетенции, в их соответствующих границах. Было заявлено о намерении принять меры, которые должны были содействовать вступлению обоих германских государств в ООН, а также о желании ФРГ урегулировать с ЧССР вопросы, которые были связаны с признанием недействительности Мюнхенского соглашения 1938 г. В “Договорённости” было зафиксировано взаимопонимание относительно того, что Московский договор и соответствующие договоры ФРГ с ГДР, ПНР и ЧССР представляют единое целое. СССР и ФРГ выразили также готовность предпринять шаги в деле разрядки напряжённости в Европе, делать всё от них зависящее для подготовки и успешного проведения Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Подписание московских документов делегация ФРГ сопровождала так называемым “Письмом о германском единстве”, считая его неотъемлемой составной частью московских соглашений.

В этой связи нельзя не сказать несколько слов о том, какой смысл вкладывала каждая из сторон-подписантов в “восточные договоры”. Если в Москве, Варшаве и Праге договоры трактовались преимущественно как гарантии нерушимости существующих границ и фиксация послевоенного статус-кво в Европе, то западногерманская сторона делала упор на тех статьях, где говорилось об отказе от применения силы или угрозы её применения. Характерно заявление Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева после обмена ратификационными грамотами и вступления в силу договоров ФРГ с СССР и ПНР: “Эти политические документы целиком основываются на признании политических и территориальных реальностей, сложившихся после Второй мировой войны, и закрепляют нерушимость существующих европейских границ, в том числе границы между ГДР и ФРГ и западной границы Польской Народной Республики”. Более того, в “Программе мира”, принятой на XXIV съезде КПСС, в директивном порядке все советские внешнеполитические и пропагандистские ведомства обязывались “исходить из окончательного признания территориальных изменений, происшедших в Европе в результате Второй мировой войны”.

Позиция правительства ФРГ существенно отличалась от точки зрения советского руководства. Выступая 14 августа 1970 г. в Бонне на пресс-конференции с заявлением по итогам визита в Москву, канцлер В. Брандт особо подчеркнул: “При подписании Договора (с СССР – Н.П.) мы исходили из того, что границы государств в Европе, как они существуют на сегодняшний день, – независимо от того, нравятся они нам или нет, и на какой правовой основе они установлены, – не могут

быть изменены силой. Их никто не может нарушить, разве только пускаясь на авантюру применения силы. Мы этого не хотим". Это ясная и твёрдая позиция, отметил В. Брандт, не противоречит цели бороться мирными средствами за единство германской нации. Она не противоречит также цели политического объединения Европы путём ликвидации границ мирными средствами.

На следующий день после подписания Московского договора, 13 августа А.Н. Косыгин пригласил в Кремль для беседы В.М. Фалина и после подведения итогов советско-западногерманского саммита заявил следующее: "Я благодарю Вас за организацию работы над Московским договором. Текущая информация была исчерпывающая и всегда поступала своевременно. Одновременно министерство иностранных дел действовало без спешки и не обращалось по мелочам в Политбюро. Так должно быть и впредь". На это Фалин ответил, что считает своим долгом заявить: "Андрей Андреевич Громыко от начала до конца руководил ходом переговоров. Вашу похвалу организации заслужил прежде всего он" [Falin, 1993: 73]. Так закончилась история Московского договора, но не закончилась история "новой западной политики" СССР и "новой восточной политики" ФРГ. Московский договор открывал новые горизонты перед политикой разрядки.

Список литературы

- Брандт В. (1991) *Воспоминания*, Изд-во "Новости", Москва, Россия, 528 с.
Кеворков В. (1997) *Тайный канал*, Изд-во "Гея", Москва, Россия, 318 с.

References

- Brandt W. (1991) *Vospominanija*, Izd-vo „Novosti“, Moscow, Russia, 528 p.
Kevorkov V. (1997) *Tajnyj kanal*, Izd-vo „Geja“, Moscow, Russia, 318 p.
Bahr E. (1996) *Zu meiner Zeit*, Karl Blessing Verlag, München, 604 S.
Die Bundesrepublik Deutschland 1955–1966. Informationen zur politischen Bildung (1992) Bundeszentrale für politische Bildung, Bonn, 40 S.
Falin V. (1993) *Politische Erinnerungen*, Droemer Knaur, München, 518 S.
40 Jahre Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland: eine Dokumentation (1989) BONN AKTUELL, Stuttgart, 797 S.

The Architect of the Moscow Treaty

Author: Pavlov N., Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of European and American Countries of Moscow State Institute of International relations of the Ministry of Foreign Affairs (MGIMO University). **Address:** 119454, Russia, Moscow, prospect Vernadskogo, 76. **E-mail:** kotjaio@mail.ru

Abstract. The article describes the preparation of the Moscow Treaty of 1972 between the USSR and Germany as well as the role played in this process by the outstanding diplomat and foreign Minister on the Soviet side Andrey Gromyko. The Treaty was a breakthrough in the Soviet–West German relations and a prologue to defuse international tensions on the European continent. The author believes that if it were not for the "new Western policy" of the USSR, which was synchronized with the "new Eastern policy" of Germany, the bipolar world would have stayed in the trenches of the Cold War for a long time.

Key words: A.A. Gromyko, W. Brandt, E. Bar, USSR, Germany, Moscow Treaty, Soviet-West German relations, "new Eastern policy" of Germany.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52019132142>